Прокофьев С

260491

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ЯВЛЕНИЕ

Ф. МАНСУРОВ,
народный артист
Казахской ССР
и Татарской ССР

Когда умирает художник, меру его таланта определяет время. За редчайшим исключением, творчество истинно талантливых раскрывается после их смерти, так как они, как правило, идут впереди прогресса, намного опережая свое время. Подтверждение тому — нелегкая судьба Сергея Прокофьева, который своим творчеством восставал против рутины и стоял в музыке (да и в быту), постоянно находясь в центре художественной жизни XX века. Высокоразвитый интеллект, особая духовная утонченность, воспринятая от великих учителей, привели Прокофьева к созданию неповторимого художественного стиля. Его солнечный гений мог быть сравним только с Моцартом, и чем больше времени отдаляет нас от его кончины, тем больше мы начинаем понимать, какое это выдающееся явление — Сергей Прокофьев.

Сергей Сергеевич Прокофьев умер в один день со Сталиным (вот уж гримаса судьбы!) и поэтому проводы в последний путь величайшего Гения мировой культуры были заслонены похоронами вождя всех народов, но и тогда многие говорили о досадной исторической несправедливости, о несоразмерности почестей. Но жизнь, как и полагается, справедливо рассудила и каждому воздала свое.

Наверное, ни о ком из музыкантов так много не написано, как о Сергее Прокофьеве. Сотни книг, десятки монографий, научных трудов, множество исследований и диссертаций. Среди огромного количества литературы о Прокофьеве есть немало талантливых и интересных работ, очень тонко и толково разбирающих особенности творчества гениального композитора, но наилучшей информацией о сложном, самобытном характере, внутреннем мире великого музыканта является, несомненно, его книга — «Автобиография».

В своем «Извинительном вступлении» Прокофьев пишет:

«С чего начать? — Улыбнемся хотя бы и старому анекдоту.

— Как чудно я играл сегодня! — сказал артист приятелю. — Как вдохновенно вылилась мелодия, как безупречно выходили пассажи!

[Окончание на 4-й стр.]

[Окончание. Начало на 3-й стр.]

Говорил он долго, минут пятнадцать, затем законфузился и воскликнул:

— Простите меня, это совершенно неприлично: я все говорю о себе. Поговорим о чем-нибудь другом. Теперь вы расскажите что-нибудь. Ведь вы были в зале. Ну расскажите, например, как вы нашли мой сегодняшний концерт!?

Этот анекдот приходит мне в голову, когда я сажусь за автобиографию. Стоит ли писать биографию о себе, да еще длинную? Конечно, не стоит. Горе лишь в том, что не напишу я, напишут другие и, вероятно, напутают. Если так можно выразиться: добросовестно наврут, то есть без дурной мысли, а по недостатку сведений на основании логических предположений.

Это, конечно, дань величайшей скромности гениального композитора, но он обладал, помимо всего прочего, неповторимо-своеобразным литературным талантом, и книга написана очень тонко, глубоко, содержательно, остроумно, с присущим автору колючим юмором и представляет увлекательное чтение. Кто не читал, от души советуем (хотя бы по случаю столетия композитора).

Вряд ли возможно добавить что-либо новое к тому, что написано о Прокофьеве, но я один из счастливых, кому довелось общаться с ним, да еще и совместно музицировать.

Мне было 15, когда я, студент музыкального училища, запоем играл на Алма-Атинской киностудии музыку к кинофильму «Иван Грозный» в сборном оркестре под управлением автора.

Есть немало людей, близко знавших Сергея Сергеевича. Уже в сту-

ИЗДАТЕЛИ ГАЗЕТЫ — ДИРЕКЦИЯ И ПРОФСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СОЮЗА ССР

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ЯВЛЕНИЕ

Большой театр — 1991 — 26 апр

денческие годы «резкость, озорство, фрондерство, упорное нежелание считаться с авторитетами не мешали ему выделяться в консерватории ярким талантом, любознательностью, мгновенной реакцией, изумительным чувством юмора. Его побаивались и любили». Так характеризует композитора Вера Алперс. Его неординарность, строгость и даже жесткость в отношениях с окружающими воспринимались неоднозначно. Я помню, многие боялись его и не очень любили, но всех подавлял его огромный авторитет.

Разумеется, мои встречи с Прокофьевым носили односторонний характер, так как я сидел в оркестре достаточно далеко и не все его разговоры мог расслышать. Помню только, что ответы его всегда были лаконичными, слегка колючими и всегда иронично-остроумными. Слышал он феноменально, замечал решительно все, и это создавало напряженную, гнетущую атмосферу на репетициях, хотя, как нам казалось, дирижировал он довольно своеобразно. Я помню его фразу, кстати, часто цитируемую М. Ростроповичем: «Равнодушие к неряшливости порождает в душе семени смирения перед пошлостью». Ей Богу, эта хотя и несколько кудряво выраженная мысль заслуживает мемориальной доски!

Дирижировал Прокофьев, я бы сказал, не очень пластично: высокий, длиннорукий, длиннопалый, без палочки, он неловко толкал локтями вперед неизменно параллельные руки, очень напоминая наших доморожденных дирижеров. Но авторитет его, повторяю, был цепенящим, хотя играли мы довольно фальшиво. Кто видел первую серию фильма «Иван Грозный» и слышал жутко нестройную игру оркестра в пляске скоморохов, знайте, там есть и моя скромная лепта.

Нас всех поражала феноменальная работоспособность Прокофьева. Сергей Эйзенштейн был моложе Прокофьева на семь лет, но выглядел, как нам казалось, хозяином положения. Что-то из музыки он

отвергал, довольно часто требуя переделать целые куски и, хотя запись заканчивалась далеко за полночь, на следующий день новые номера музыки были уже готовы. Когда он успевал?

Прокофьев прожил в Алма-Ате около трех лет, активно участвуя в культурной жизни города. Он постоянно сотрудничал с объединенными киностудиями «Мосфильм» и «Ленфильм», сочинял музыку к драматическим спектаклям, с большим интересом изучал казахский фольклор и даже намеревался сочинить комическую оперу на сюжет забавной народной сказки. «Оперу я собираюсь писать, придерживаясь нового метода, разбив либретто на отдельные моменты, подобные кадрам кино, и подбирая к каждому такому кадру музыкальный материал, кажущийся мне подходящим именно к данному моменту», — объяснял композитор. Очень жаль, что этому замыслу не суждено было свершиться!

Мне довелось слышать несколько выступлений Прокофьева в качестве пианиста, помню его присутствие на Алма-Атинской премьере симфонической сказки «Петя и Волк», подготовленной силами ТЮЗа, руководимого Натальей Сац. Замечательным, острым было его выступление на очередном съезде Союза композиторов Казахстана, где он с достоинством говорил об уважении к труду мастеров, о необходимости бережного отношения руководства республики к музыкальной культуре.

Вообще, в те годы в Алма-Ате, помимо двух киностудий и Театра имени Моссювета, находились многие выдающиеся деятели нашей культуры: Ал. Толстой, С. Маршак, Галина Уланова, Ю. Завадский, В. Марецкая, Г. Товстоногов, Н. Черкасов, Б. Чирков, М. Жаров и другие, но мне, может быть, как музыканту, казалось, что фигура С. Прокофьева как бы возвышалась над всеми.

Многие годы спустя мне посчастливилось уже в качестве дирижера участвовать в постановках опер и

балетов Прокофьева: «Семен Котко» в Большом театре, «Ромео и Джульетта» в Финляндии, «Золушка» и «Дуэнья» в Казани, дирижировать почти всей его симфонической музыкой.

Ни в одном своем произведении С. Прокофьев не повторялся. В каждом сочинении он был неизменно новый. Сам Прокофьев говорил, что он пишет не для праздного сбивателя, что его музыка рассчитана на мыслящего, интеллектуально развитого слушателя. Многократно возвращаясь к уже исполненным сочинениям, я каждый раз убеждался, что не все у Прокофьева лежит, как говорится, на поверхности, и если уметь, по словам Б. Э. Хайкина, заглянуть под покров нот, то обнаруживаются все новые и новые красоты его бессмертной музыки.

Например, второе обращение к «Семену Котко» в Большом театре было для меня качественно другим, и многое было иначе, чем при первом прочтении, считавшемся едва ли не эталонным после прежних неудач.

Летом прошлого года я заново открыл для себя балет «Ромео и Джульетта», участвуя в новой постановке на фестивале в г. Савонлинна, правда, не без помощи замечательного, тонкого и умного режиссера-балетмейстера Ласло Шереги. Музыка звучала без единой купюры, более того, некоторые номера даже повторялись дважды, но было ощущение, что весь спектакль идет на одном дыхании. Чтобы иметь хоть какое-то представление об этой постановке, нужно провести некоторую параллель с изумительным фильмом Франко Дзеффирелли «Ромео и Юлия», но только в балете — все значительнее, эмоциональнее и динамичнее благодаря слиянию с гениальной музыкой Прокофьева. В процессе репетиций я постоянно ловил себя на мысли: до чего же, при всей образности и драматургичности, танцевальна балетная музыка Прокофьева! А ведь было время, когда автору в этом упорно отказывали даже великие артисты.

Я думаю, постановка «Ромео» в Финляндии была достойным подарком к столетию великого композитора.

В течение пяти лет, с 1973 по 1979 год, мне довелось быть редактором и ведущим цикла радиопередач «Советская симфония» на Всесоюзном радио. Это дало мне возможность еще глубже окунуться в волшебный мир симфонической музыки, также встречаться и беседовать с выдающимися композиторами-современниками. И, конечно же, мне представилась редкая возможность углубиться в симфоническое творчество Прокофьева. В нашей антологии от Пятой Н. Я. Мясковского и до Третьей Карена Хачатуряна прозвучало 50 симфоний советских композиторов, среди которых четыре Прокофьева: Первая, Пятая, Шестая и Седьмая.

Какое это богатство, какая щедрость таланта и какие они все разные! На четырех симфониях замечательно прослеживается эволюция уникального таланта композитора: от колючей, гротескно-насмешливой Первой, своеобразной иронии на классическую стилистику, до Седьмой, самой светлой, возвышенной и, пожалуй, самой гармоничной из всех его симфоний. Особенно примечателен ее финал, где веселье, энергия и даже азарт замечательных образов сменяются возвращением к ласковой лирике одной из тем первой части и волшебные истаивающие звучности как бы символизируют тихий уход, прощание с молодым поколением.

Это так мудро и прекрасно. Любопытно, что веселый, бодрый, даже эффектный вариант финала, написанный по настоянию С. А. Самосуда, так и не прижился. Великое не терпит фальши!

Плодovitость Прокофьева просто поразительна. Пожалуй, нет жанра в музыке, где бы Прокофьев не сказал своего веского слова. Ни один театр мира не обходится без постановок его опер и балетов, потому что музыка Прокофьева, наполненная любовью к человеку, властно зовет к добру и миру.

Ответственный за номер член Совета общественных редакторов
З. Л. СОТКИЛАВА.

101